

Аннотация.

В статье речь идет о сложной и многокомпонентной идентичности сибирского города. Сделан акцент на историю возникновения сибирских городов и этническую идентичность горожан. Этничность, как и другие формы идентичности, не уходит из городского пространства, приобретая новые формы презентации, особенно в столицах сибирских республик. Хотя существуют региональные черты, позволяющие говорить об общих чертах в формировании сибирских городов, в Сибири нет ни одного города с похожим образом и судьбой.

Ключевые слова.

Сибирь, пространство города, этническая идентичность, полиэтничность, горожане, межкультурный диалог

Abstract.

The article reveals a complex and multicomponent identity of a Siberian city. Special attention is paid to the history of foundation of Siberian cities and ethnic identity of citizens. Like other forms of identity, ethnicity remains in the city space, while acquiring new forms of presentation, especially in the capitals of Siberian republics. Though there are regional features, referring to which we can speak about common features of formation of Siberian cities, there are no Siberian cities with similar image and history.

Keywords.

Siberia; city space; ethnic identity; polyethnicity; citizens; intercultural dialogue

Люди и город

Заметки об идентичности сибирских городов

Улан-Удэ

Иркутск

People and the City

Notes on the Identity of Siberian Cities

Многие из нас помнят замечательную книгу В.К. Арсеньева «Дерсу Узала» или фильм, поставленный по книге японским режиссером А. Куросавой. Гольд (нанаец) Дерсу, таежный охотник, замечательный проводник в экспедициях «капитана» Арсеньева по Уссурийскому краю, теряет зрение и по приглашению капитана поселяется у него в городе. Но Дерсу не может жить там: «Он понял, что в городе надо жить не так, как хочет он сам, а как этого хотят другие. Чужие люди окружали его со всех сторон и стесняли на каждом шагу. Старик начал задумываться, уединиться; он похудел, осунулся и даже как будто еще более постарел. <...>

Не успел я задать вопрос, как вдруг он опустился на колени и заговорил:

– Капитан! Пожалуйста, пусти меня в сопки. Моя совсем не могу в городе жить: дрова купи, воду тоже надо купи, дерево руби – другой люди ругается.

Я поднял его и посадил на стул.

– Куда же ты пойдешь? – спросил я.

– Туда! – он указал рукой на синеющий вдали хребет Хехцир» [1].

Дерсу, как таежного жителя, глубоко поразило в городской жизни то, на чем изначально стоит город и к чему горожане давно привыкли: разделение труда, денежные отношения, существование особых нормативов и предписаний.

Сегодня сельская, включая аборигенную, молодежь хорошо адаптируется в городах, получая высшее образование и находя себе работу.

Город очень сложен для научного анализа, поэтому его изучают представители многих дисциплин. Только около полувека назад в мировой антропологии, – сначала в США, а потом в Европе сложилось особое направление – городская антропология. Сегодня особое внимание уделяется пространственному и символическому образам города, когда город «читается» как текст, зачастую полустертый. Город нельзя понять без изучения его экономических, социальных связей с сельской местностью, селом, дачной культурой, потому что город, особенно провинциальный, открыт внешнему миру в прямом смысле слова [2]. Как живой развивающийся организм, город растет за счет естественного воспроизводства и миграций, как правило, из сельской местности.

Идентичность города, и сибирский город не исключение, многослойная, комплексная, очень сложная и одновременно четко связанная с определенным местом, его изначальными физико-географическими характеристиками. Поколениями людей в городе складывается особая материальная и социальная среда и создается духовная аура. Этот стусок нематериальной энергии исходит от архитектурных и инженерных сооружений разного времени и стиля, коммуникаций, дорог, от материализованных продуктов труда, воли и устремлений его жителей. Он исходит и от кладбищ, где покоятся бывшие насельники города, известные и безвестные, вложившие свой труд в его обустройство и благосостояние. Время в городе превращается в окаменелости, застывая в деревянных домишках, белокаменных церквях и соборах, в сталинских домах-крепостях и в легковесных хрущевских пятиэтажках, в современной разноликой городской архитектуре и скульптуре. Город живет, обрастая мифами, легендами, захватывая пространство, а вместе с ним и людей, и подчиняя их себе.

Специфика сибирских городов кроется в природе Сибири и историческом развитии земли, колонизованной Россией в XVI–XVII веках. Потрясающая суровая природа Сибири с ее красотами и непростыми условиями для жизни, к которым необходимо привыкнуть. Здесь жили и живут разные народы, со своими обычаями и традициями.

На облик города влияет то, когда он основан, где расположен, сколько и какие люди в нем живут, какова его экономическая, культурная история. Иркутск, Красноярск, Томск, Якутск – старинные сибирские города, основанные еще в XVII веке русскими казаками в ходе колонизации Сибири. На присоединенных по Айгунскому договору между Россией и Китаем территориях по левому берегу Амура были основаны города Благовещенск (1856), Хабаровск (1858). Города Магадан и Комсомольск-на-Амуре, Мирный и Удачный, Нерюнгри и Северобайкальск возникли на волне советской индустриализации. Отсюда начинались броски на новые территории, строительство дорог и плотин, добыча золота, алмазов, угля.

В Сибири изначально было много пассивных личностей. Кто-то шел сюда за свободой: в Сибири не было крепостного права, кто-то – по этапу, кто-то ехал сюда за длинным рублем, но были и романтики, грезившие о «тумане и о запахе тайги». Сибирский город по преимуществу русский и русскоязычный

текст и фото
Анна Сирина

text and photos
Anna Sirina

Улан-Удэ

Собор Одигитриевский

город. Здесь много православных храмов и святых, связанных с православием. Сибирский город всегда полиэтничен, с калейдоскопом лиц и языков, с многочисленными сегодня диаспорами. И одновременно сибирский город интернационален. Так что можно говорить об общей региональной идентичности. Но общей усредненной идентичности сибирских городов, разумеется, не существует. В перепись 2010 года по инициативе группы новосибирских активистов была включена новая этническая категория – «сибиряки», как подразделение / субгруппа русского народа. Впрочем, сибиряков оказалось немного. Кто-то винит во всем недостатки проведения переписи, которые, вероятно, имели место, но правда в том, что далеко не все жители Сибири и Дальнего Востока называют себя сибиряками. Такой идентичности нет у жителей Алтая, у северян, у дальневосточников. Понятно, что сибиряки – это не национальная, а региональная идентичность, причем сегодня она носит протестный характер. Таким способом жители Сибири привлекают внимание к проблемам региона, порожденных несимметричными отношениями центра и периферии, когда Сибирь рассматривается как колония, источников ресурсов [3].

В Сибири есть города, в которых за постсоветское время стали очень заметны этнические черты. Это центры республик и автономий.

Основанный русскими казаками в 1632 году город Якутск сегодня – столица республики Саха (Якутия). В Якутске живут без малого 300 тысяч человек, причем в 2002–2010 годах шел прирост его населения за счет внутренней миграции населения республики [4]. В Якутии этнокультурное наследие получило осмысление не только как система духовных ценностей, но и было признано в качестве имиджевого инструмента, способного оказывать направленное воздействие на развитие территории. Среди таких ценностей – массовый и очень зрелищный якутский праздник летнего солнцестояния Ысыах, сопровождающийся обрядами благодарения светлым божествам и ритуалом кумысопития. Регулярное проведение праздника потребовало большого свободного и в то же время особым образом организованного пространства в городе и в непосредственной близости от него. Праздник модифицировал многие элементы народной культуры и позволил выделить коды, символы территории. В Якутске получили развитие этнические бренды презентации культуры: рестораны в этностиле, с экологически чистой натуральной продукцией; традиционная пища (молоко, кумыс) – продукция традиционных скотоводства и северного коневодства; производство сосудов для хранения и употребления молочных продуктов – чоронов [5]. Развитие города и якутской культуры стало возможным благодаря средствам от добычи полезных ископаемых, в первую очередь – якутских алмазов, которые сами стали брендом республики.

А вот другой город Восточной Сибири – Улан-Удэ (с 1666 по 1934 год – Верхнеудинск), столица Республики Бурятия, – полиэтничный и многоконфессиональный. Здесь нет компактной этнической застройки, анклавов, как и в большинстве сибирских городов. «Город с азиатской душой» – так была сформулирована постсоветская идея общегородской идентичности Улан-Удэ. При всем своем сложившемся облике типично российского сибирского города он в то же время несет печать национальной культуры, и этот образ активно поддерживается и национальной интеллигенцией, и властными структурами. «Наш город, – говорит мэр Улан-Удэ, – должен отличаться именно тем, что это город бурятской культуры» [6]. В городе сильны слоганы, опирающиеся на ряд пространственных представлений: «Улан-Удэ – столица бурятского мира», «буддийская столица России», «восточные ворота России» и «столица Байкальской Сибири». Причем они лишены оттенков политического сепаратизма.

Фото Марины Ткачевой
с выставки Даши
Намдакова. Июнь, 2014,
Красноярск >

Этническая мифология в последние годы активно используется для конструкции общегородской идеи в городах, подобных Улан-Удэ. Артикулируется культурная самобытность и самодостаточность столицы этнической Бурятии, ярко выражено стремление преодолеть ощущение провинциальности [7]. В Улан-Удэ не так много зданий с национальным восточным колоритом, за последние два десятилетия они восполнены городской скульптурой на этнические мотивы.

С одной стороны, город нивелирует различия; с другой стороны, формулирует новые. Их причина – огромность города, отчужденность и формализация отношений людей. Это порождает стремление к «кинаковости» [8], что можно видеть на примере молодежных субкультур, отмеченных стремлением стать заметным. Вообще же этничность в городе не исчезает. Она приобретает или скрытые, или толерантные, формы, находит выражение в творчестве своих наиболее ярких представителей. Даши Намдаков, родом из агинских бурят, стал всемирно известным скульптором, высоко ценимым не только в своей, но и в иной культурной традиции. Этот феномен был бы удивителен, если бы не скрытый реализм его произведений, стилизованных подчеркнуто азиатскими чертами. Идея его скульптуры – просыпающаяся, сильная Азия. Понятно, что для широкой публики этническая принадлежность скульптора дополнительна. А вот азиатская тематика все увереннее входит в пространство сибирских, и не только сибирских, городов.

Список литературы

1. Арсеньев В. К. Дерсу Узала. – Владивосток: Примиздат, 1947.
2. Форум. Городская антропология // Антропологический форум. – 2007. – №
3. Сирина А. А. Призрак нефтепровода на севере Байкала // Этнографическое обозрение 2008. – №2; Анисимова А., Ечевская О. Сибирская идентичность как политическое высказывание // Pro et contra. – 2012. – Май – июнь – С. 62–75.
4. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0443/perep01.php>; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf
5. Романова Е. Н. Культурное наследие Северо-Востока России как инновационный ресурс развития территории: этническая идентичность и бизнес-антропология // Культура и искусство коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации. – Улан-Удэ, 2014. – С. 68–73.
6. Бреславский А. С. «Город с азиатской душой»: геокультурные образы постсоветского Улан-Удэ // Культура и гуманитарная география. – 2012. – Т. 1. – № 1. – С. 37–48.
7. Там же.
8. Форум. Городская антропология // Антропологический форум. – 2007. – №

ЕКАТЕРИНБУРГЪ - Домъ Главнаго Начальника

Екатеринбург Л

5. Екатеринбург — Плотина и западная часть города.

Екатеринбург Л

Богоявленский кафедральный собор на Кафедральной площади >

Санкт-Петербург.
Фото Сергея Астапова

